

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 90 (2963)

Суббота, 26 июля 1952 г.

Цена 40 коп.

Завтра — торжественное открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина

С праздником, товарищи!

Каждому, наверное, доводилось любоваться изделиями резчиков по кости. Держишь в руках какую-нибудь безделушку, восхищаясь ею, думаешь о мастерстве, с каким вещь сделана, и все дальше, дальше уходишь мыслью от самой вещи к человеку, ее изготовившему, видишь его, склоненного за работой, чувствуешь пейзаж, окружающий его хижину, народ, создавший искусство, которому он обучился, культуру, наделившую его художественным вкусом, и вот целая страна с ее историей, с ее богатствами и нуждой, в борьбе и труде возникла, как живая, в воображении.

Горький отдал много лет восторженного увлечения работам резчиков по кости, больше всего — мастерам Китая, Индии. Он знал технологию этого древнего искусства, изучил любимые мотивы резчиков, часами рассматривал ажурные сгустки рисунков на кости, утпаясь фантазией безыменных художников и говоря о них, как художник.

Мне кажется, Горький сказывался в этой своей привязанности не только как поэт труда, обожавший творения рук человеческих, но и как мудрец, вечно размышляющий о народной жизни, мудрец, стремящийся сделать эту жизнь прекрасной.

И если маленькая, красиво и содержательно сделанная одним человеком вещь способна вызвать поэтическое волнение и множество далеко уводящих мыслей, то сколько дум порождают дела и труды целого народа и как чудесно волнение, которое испытываешь, видя плоды этих дел и трудов!

Я не ездил на строительство канала Волго-Дон, не наблюдал великих работ, — я только читал на протяжении лет, строку за строкой, о титаническом и все возрастающем состязании человека с природой в привольном степном русском междуручье, и теперь гляжу на сотни зарисовок и фотографий, показывающих нам, каково же получилось золотое кольцо, которым обречены друг с другом Волга с Доном, и каковы алмазы, вправленные ювелирами-строителями в это кольцо.

Я не был на Волго-Доне, но я — волжанин родом, хорошо знаю привольские степи, никогда не забываю сухих поливных ароматов, слышу свист налетающих юговосточных ветров, вижу наши бескрайние снега, вижу и слышу ревущие громом мартовских вод овраги.

И я не только понимаю, я всей душой чувствую то удивительное, ни с чем несравнимое благо, которое отныне даровано богатому волжско-донскому краю.

Кольцо, надетое на столбовый перешеек между двумя реками, — действительно, золотое кольцо. Не попусту будут теперь скатываться равнинные талые воды, не пропадом пойдут шуметь весенние овраги, не зря пронесутся и угаснут в морях могучие силы разливов.

Драгоценная влага будет удержана, собрана про запас и потом роздана просторам полей и землям садов — в меру нужды и в должное время.

Сооружение окончено, знамя советских наций реет над ним, и впервые волжский парод обменялся с донским пародом долгим встречным гудком, а штурвалы — волгарь и донец — вышли на мостики и быстро отмахнулись белыми флажками.

С праздником, товарищи! — слышится в этом гудке. С праздником! — чудится в

этом сигнальном мелькании вспыхнувших на солнце флажков.

Поэтическое содержание праздника покоится на глубоко практических завоеваниях советского народа.

Общее состояние нашей культуры, ее уровень, достигнутый всем народом, — вот основа, на которой выросла трудовая победа на Волго-Доне. Эта победа исторична не только потому, что с нею обогатится и расцветет огромный край, но еще и потому, что она — живой результат всего нашего развития последнего времени.

Без приобретений, полученных нашей страной в период сталинских пятилеток, были бы невозможны подобные трудовые победы.

Волго-Дон — это всеобщая грамотность населения и высоко поставленное, доступное каждому образование. Это накопленный годами строительный опыт масс. Это разнообразие и мощь разветвленной промышленности.

Если взять технический прогресс, достигнутый советскими строителями только в короткое время сооружения канала, то станет очевидно, насколько возросло теперь на практике сотрудничество людей науки с рабочими. А ведь это сотрудничество родилось не вдруг: мы помним, какие усилия проявляла советская власть с первых дней Октября, чтобы приблизить научную мысль к общенародным задачам, привлечь ученых к плановой работе государства. Теперь это далеко прошлое. Каждое новое сооружение открывает шире и дальше перспективу незыблемого могущества союза науки и труда.

Волго-Дон — показатель успехов объединения большими планами сотрудничества самых многообразных отраслей отечественной индустрии. Десятки заводов приняли участие в строительстве, и одно собрание материалов, машин, инструментов, приборов, последовательность и одновременно перевозка, сборка частей механизмов, их установка на месте и приведения в действие на всей трассе канала — одно это рисует нам образ великодушия культуры труда, его организации и целеустремленности.

Наконец — темп строительства. Волго-Дон — инженерный шедевр, превративший смелую мысль в жизнь, давший ей художественную форму, — построен в изумляюще короткий срок. И это тоже достоинство нашей культуры — быстрота строительства, тоже результат исторического опыта целого народа, свидетельство высоко организованной и спянной энергии масс.

То, что совершено сейчас советским народом, отозвалось не только на протяжении сотни километров канала и отзовется не только на юго-востоке нашей страны.

Уголь Донбасса уже пошел войной на Север. Навстречу, к Черному морю, двинулись строевой лес Прикамья. Грузы металлургических заводов Приазовья тронулись вверх по Волге, а вниз по Дону спускаются горно-заводские грузы далекого Урала. Прикаспийский нефтяной бассейн связан теперь дешевым коротким путем с Донбассом.

Вчера этого не было. Сегодня — это наша действительность.

Все больше растет наша любовь к тому, что мы делаем своими трудовыми руками. Все крепче, все сильнее будем мы отстаивать, беречь, защищать свой мирный труд.

Любовь и сила наши велики. Будущее наше красиво. Настоящим нашим мы дорожим, как самой жизнью.

С праздником, дорогие товарищи!

Константин ФЕДИН

Гордость народа

В нашей великой и мирной стране нет ни одного человека, сердце которого не было бы преисполнено сегодня радостью и гордостью. Сказочно быстрыми темпами был воздвигнут первенец строек коммунизма — Волго-Донской канал, осуществлена заветная мечта народа — слиты воедино могучие реки, соединены пять морей.

Недавно я побывал в тех местах, где у озера Дрисвяты сходятся границы трех советских республик — Литовской, Белорусской и Латвийской. Как известно, три крупных колхоза — имени Молотова, имени Свердлова и имени Адама Мицкевича — при помощи других, соседних колхозов, строят здесь гидроэлектростанцию, которой решено присвоить знаменательное название «Дружба народов». Я видел, как быстро растет плотина, как трудятся советские люди, вооруженные мощной отечественной техникой.

— Мы хотим работать так, как строители Волго-Дона, — заявил один из колхозников.

Секретарь Дукштасского райкома партии тов. Сташквичюс говорил мне:

— Узнав о том, что работы на Волго-Доне закончены, наши строители стали трудиться с еще большим подъемом, будто по невидимым проводам пришла сюда энергия с берегов Волги и Дона...

...Мимо удивительно красивых мест, мимо глубоких озер и волнующегося моря ржи,

там, где боролась с врагом мужественная дочь литовского народа, Герой Советского Союза Марите Мельникайте, пролегает дорога к самому огромному и древнему в Литве дубу. Под его могучим двадцатиметровой высоты и тринадцатиметровой толщины стволом отдыхал, спрятавшись от жаркого солнца, целый отряд пионеров.

С пионерами у нас завязалась задушевная беседа. Конечно, не была обобщена одна из главных сейчас тем — о стройках коммунизма.

Огнем восторга загорелись глаза детей, когда речь зашла об этих стройках. Глаза детишек смотрели на мир — такой замалчиваемый, красивый, интересный — с надеждой и глубокой верой в счастливое будущее.

— Ах, как мне хотелось бы видеть Волго-Донской канал! — вздохнул один из пионеров, выражая сокровенное желание всех ребят.

Они увидят не только Волго-Дон, они сами будут воздвигать величественные здания коммунизма. Советский народ построил Волго-Донской канал и осуществляет другие грандиозные сооружения во славу нашей великой Родины. Наш народ защищает дело мира и для того, чтобы нынешние пионеры могли стать участниками еще более замечательных свершений.

Антанас ВЕНЦЛОВА

ВИЛЬНОС

Чудо труда

Немало славных и величественных дел сотворено советским народом. От Волжского — к Днепровскому, от Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина — к каналу имени Москвы — от них пришли мы к берегам Волги и тихого Дона, чтобы слить воедино их воды.

С большой любовью, с теплой заботой растла наша советская Родина перенца великих строек коммунизма — Волго-Донской судоходный канал. Много труда и умения вложили строители и замечательное сооружение, рожденное гением великого Сталина.

Этот труд был тем более радостным, что вел он к осуществлению заветной мечты народа о соединении славных рек.

И вот наша родная столица Москва стала портом пяти морей!

Полвека назад такое событие назвали бы чудом. Да это и впрямь чудо, потрясшее мир! Но это чудо труда, чудо народной воли, чудо советской техники.

Вся страна строила новый канал. В последние годы не было более почетных заказов для советского предприятия, чем заказы великой стройки.

Строители, прорывавшие новое русло, намывавшие плотины, готовившие гигантские вместилища для новых морей, получающие в степях грузы, видели и чувствовали живую и горячую поддержку всех советских людей.

Открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — светлый праздник дружбы народов Советского Союза, закончивших еще одно великое дело на пути к коммунизму.

Посланцы белорусского народа, зрелые строители и галантная молодежь, хорошо трудившиеся в одном ряду со всеми сынами и дочерьми Родины.

В донских и волжских степях славно поработали наши минские самосвалы. Белоруссия послала на стройку станки и моторы, керамику, нашу добрую сосену и дуб.

Богатый опыт строительства Волго-Дона поможет советским людям успешно построить гидроэлектростанции Куйбышева, Сталинграда, Наховки, Главной Туркменской, Южно-Украинской и Северо-Крымской каналов.

Сталинский план преобразования природы — в действии. Плоды его прекрасны, и много чудесной нови принесет нам его осуществление.

Радостно жить и трудиться в сталинский век, освоенный смелыми дерзавцами и еще более смелыми свершителями. Наши сегодняшние дела — дела коммунизма. Живи и красуйся наша плодоносная земля!

Славься наш великий советский народ, увенчавший себя бессмертными подвигом труда!

Слава творцу народного счастья — великому Сталину!

Якуб КОЛАС

МИНСК

Легендарное наше время

В старину люди воплощали свои мечты в сказках и героических легендах. Мы живем в легендарное время.

Заветной мечтой предстает перед трудовым народом капиталистических стран чудесная новь страны социализма. Они знают: есть в мире страна, где свет и разум победили тьму, где на пепелищах жестокой войны, развязанной фашизмом, поднимаются новые кварталы городов, высокие здания-дворцы, вступают в строй грандиозные сооружения.

Страна создания, страна победившего рабочего класса, страна Советов! К ней обращают с надеждой свои взоры все честные люди земного шара. Счастье и мирный труд, будущность детей, — все это сливается в одном понятии: Советский Союз, Сталин!

Великий Сталин открыл широкие просторы нашим мечтам, сплотил наши силы и научил нас отступать перед трудностями. Перенец коммунистических строек, канал имени Ленина соединяет не только Волгу с Доном, но только Белое море с Черным, Балтийское с Азовским, этот канал еще теснее сплотил все народы Советского Союза.

Ликуют советские люди. Победа над природой, как величественный гимн, прославляет нашу смеливость, нашу науку и технику, силу народа, большевистской партии, советского правительства.

Ликуют не только советские люди. У нас много искренних друзей во всем мире. Каждый честный труженик, кто стоит за мир, радуется вместе с нами. Он знает, что каждая наша трудовая победа — удар по человеконенавистническим замыслам поджигателей войны.

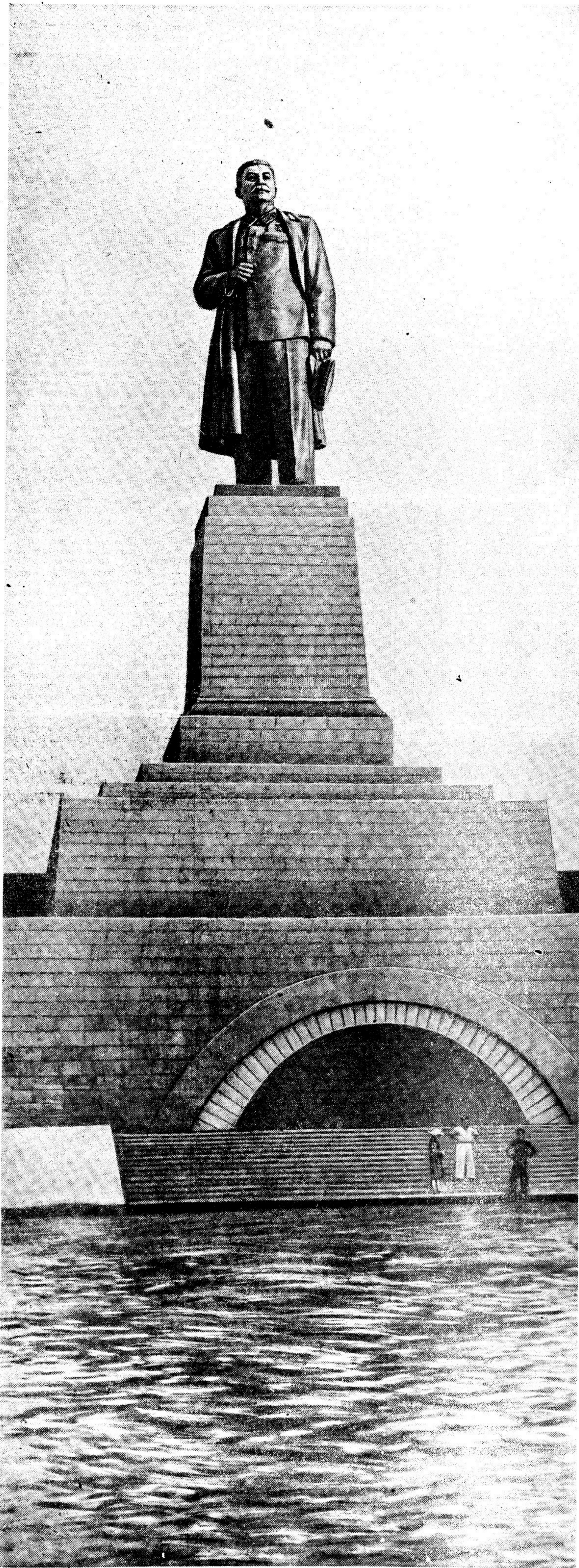
27 июля войдет в историю, как знаменательная дата. Миллионы людей через необозримые просторы нашей страны шлют сердечный привет и горячую благодарность строителям Волго-Донского судоходного канала и вдохновителю великих побед, нашему другу и учителю — товарищу Сталину!

Примите, строители Волго-Дона, славные сыны и дочери советской Родины, теплый привет латышского народа!

Примите, дорогой Иосиф Виссарионович, нашу благодарность и нашу присягу верности животворным идеям большевистской партии!

РИГА

Анна САКСЕ

Иосиф Виссарионович Сталин

Скульптура работы Е. В. Вучетича, установленная у входа в Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина

Фото спец. корреспондента «Литературной газеты» Б. Пушкина

НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

ПИСЬМА СТРОИТЕЛЕЙ
ВОЛГО-ДОНА

Знатный гидромеханизатор Волго-Дона, начальник земснаряда № 322 Леонид Владимирович Вялов по окончании сооружения Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина перешел вместе со всем своим экипажем на строительство Сталинградского гидроузла. На днях он отправил письмо в Новоселовск своему ученику и другу, ныне начальнику земснаряда № 304 Николаю Александровичу Толстоляпенко. С согласия тов. Л. Вялова мы печатаем это письмо.

В эти предпраздничные дни строители Волго-Дона устраивают экскурсии на пароходах и катерах по каналу. Вот они глядят на нас с фотоснимка, создатели канала. На первом плане — семья народного строителя, экскаваторщика Михаила Трофимовича Полякова (третья справа). В прошлом довелось ему строить Днепродзержинск имени Москвы; в годы войны он сражался в Сталинграде, отстояв родную землю. Слева — сын его Виктор Михайлович Поляков. На Волго-Доне он прошел школу строителя. Здесь, в этих местах, отец и сын Поляковы работали на полукубовом экскаваторе «Ковровец 1066» и только за последние полтора года вынули 150 тысяч кубометров земли. В центре — Ольга Карловна Полякова, жена Михаила Трофимовича.

Строительство Волго-Донского канала закончено! Через несколько дней вся семья Поляковых уезжает на новую стройку. Вот рассматривают они в раскрывающуюся перед ними панораму сооружений, которая запомнится им на всю жизнь.

Фото М. АЛЬБЕРТА

МАСШТАБЫ СМЕЛОСТИ

Дорогие друзья, молодежь и комсомольцы Цимлянского гидроузла! Нам хочется рассказать, как мы, бывшие волгодонцы, работаем на новой стройке коммунизма — Кубышевской ГЭС, используем опыт, накопленный на Волго-Доне.

Наш земснаряд здесь, как и на Волго-Доне, комсомольско-молодежный, и руководит им комсомолец Виктор Хлюст. Тот, кому приходилось бывать на строительстве Цимлянского плотины, слышал это имя. Там он был начальником земснаряда № 502, который стоял на правом берегу Дона и намывал плотину.

Вместе с ним на земснаряде работали и многие наши товарищи из теперешней команды 1000-кубового земснаряда, который стоит в Жигулях у Телячьего острова.

У нас был слаженный коллектив, и, посланные сюда на строительство Кубышевской ГЭС, мы стараемся как можно шире использовать опыт, накопленный на плыве Цимлянского плотины. Еще на Дону мы начали борьбу за увеличение производительности земснаряда и, пуская по дюкеру пулвулу, более густо насыщенный песком, практически доказали возможность перекрывать технические нормы.

Здесь, на Волге, эта борьба приобрела еще более напряженный характер. Сейчас, полностью освоив своей мощью земснаряд, мы нередко подаем на карту намыва пулвулу.

Николай ХРУЩЕВ,
инженер-электрик земснаряда
«Сталинградский».

Семен ДОВГАНИН,
обязанный обязанностями старшего
баггермейстера

Александр ЖАРОВ

По степному простору

ПЕСНЯ

Я на берег гляжу, вспоминая
Ту дорогу, где молодость шла...
По степному простору лесная
Не одна полоса пролегла.

Вместе нам довелось любоваться
Утесами родной стороны:
Вот широкие тени акаций
Из окна парохода видны!

И причалом нельзя не дивиться,
И тому, что от самой воды
Далеко-далеко за станцию,
Разрастается, уходит сады!

А над вишнею, честное слово,
Чайка, птица морская летит...
Этот праздничный путь из Ростова
И для нашего счастья открыт!

Этот путь по-особому светел
Тем, кто новой мечтой богат.
Мы теперь не идем и не едем,
А плывем по степи в Сталинград.

Мы плывем по большому простору,
По недавней пустыне плывем...
Ах, в какую хорошую пору
Мы с тобою на свете живем!

А. КАЛИНИН Цимлянские замешки

1. Даже солнце здесь, степное рынее солнце поднимается из-за холмов крутобережья как будто только для того, чтобы озарить то новое, что появилось в степи за минувшие день и ночь и что изменило степь. Обозначилась изгиб в долине, выросла гора там, где ее не было, протянулась нитка моста через Дон, легла поспешная дорога.

Как же все это отличается от того, что озорло солнце и год и два назад, от того, что было здесь, скажем, весной прошлого года, когда строители отстраивали от паводка котлован плотин и гидростанции! От осени, когда вступил Дон перестав течь там, где он тек тысячу лет, повернул плыв, пролетел через железобетонную плотину и потом уже вернулся в свое материнское русло. И от того, уже зяблого времени, когда могучие сооружения стали приобретать совсем отчетливые, почти законченные очертания и когда стала разливаться переплывающая по плыве, по степи вода, топить места лесных порубов, выемки, сделанные машинами, и усады переселившиеся станицы.

Да, многого теперь «несосчитывало» степное солнце — и станиц на старых местах и пойменных лесов. Часть их вырубил, а часть сожгло. Дым еще стелется над водой, а кое-где на буроватых, куда еще не пришла вода, плавают большие котлы — горят спивающим туеском пламенем дым и аркабровым ночью. Но зато, проливаясь линиям лучей на берега моря, солнце освещает эти станицы уже на новых местах и вокруг них — толкучку, сведу, нежкую порось лесопосады. И как неизмеримо могучее, красивее, лучше то, что приобрело солнце теперь в степи и что озарит оно по утрам своим рачительным, выходящим из-за крутобережных холмов, из-под завесы тум оком!

Почью же по маленьким и большим огням взор охватывает очертавшая стройки. Если смотреть с правого берега огня сливаются в огромное, живое зарево. Прямо и внизу, где котлован, движутся змеи на портальных козлах, трещит голубые, розовые и оранжевые огни сварки, ослепляют в воду красные искры.

Цель огня таяется по плотине и вдоль нее, чуть правее. Но и левее горят она на земснарядных, стоящих выше плотин, и далеко вправо на земснарядных, сплывающих вниз по Дону. Бегут они по полотну железной дороги до рабочего поселка Новоселовска и дальше — на плывы, на дамбы и в порт. Постоянно движущиеся, меняющиеся, они оживляют стройку. Здесь и огни сварки, и глаза паровозов, и фары машин, и прожекторы, и змеи на козлах. Огня гаснут, другие зажигаются. Весной, летом и осенью много колючих огней на воде — на катерах, буксирах, пароходах, ботах воловолов. Торжественно электричества. И все это в степи, которую прежде укрывали глухие похи.

Не в эту, а в ту весну в пойменных рощах, в молодых верхних лесах поселилось много соловьев, будто они знали, что вербы скоро будут порублены и на другую весну им придется обживать другие места — новые степные дубравы и пойменные лесные полосы. Баггермейстеры и матросы на земснаряде, которые, вымывая забой, ближе всего подошли к вербам, заслушивались пернатых певцов, особенно в минуты несчастных рабочих пауз, когда останавливались машины. Со временем на строительстве так и повелось говорить, когда у гидромеханизаторов что-нибудь не ладилось и они стояли больше полубоженого: «они там соловьев слушают».

Было что послушать! Греют соловьи, неутомимо поют и другие птицы, поют листья, шумит, перебивается струя под водой, поймавшая берег, плещется рыба, скрипит выемки. Иногда и лонской степной орел, пролетая над лесистой поймой уронит в море звук свой клевет, а ветер, набегая из дальнего степи ударяет в зеленую золотую стеньку вербного леса, как в туго натянутую струну барабана, а все это слышится, как скрипка, волторны, флюты в оркестре Большого академического театра. И всем этим оркестром управляет, все звуки согласует, то велит до собой плыв, то обрушивается, то смекает до нежного пеня, то слышит в трубный голос, чтобы снова расслышать из лепшим голосом, заставить звенеть, лопаться, шептаться, — всем этим дирижирует свой великий дирижер, имя ему — жизнь.

Теперь этому дирижеру неизмеримо труднее стало управлять оркестром, который расширился, влился в него новое ястру-

менты и новые исполнители, такие необычные в этой весенней музыке. Надо было согласовывать самые разнородные звуки. Как, например, согласовать пение соловья со звуком, издаваемым экскаватором из своего «уралика», когда он, набрав ковш земли, поднимает его в воздух, поворачивается и мягко выпаливает в кузов автомашин? Если экскаватор в порялке, если все шестерни, катки и блоки хорошо пригнаны друг к другу и смазаны, если экскаваторщик знает свое дело, как знает его Евгений Симак, не рвет машины, то и звук издаваемый им, не будет грубым, он стройно войдет в общий оркестр звуков, слышимых с соловьиным громом, не нарушит симфонии. Если же разум, сердце и руки машиниста еще не стали разумом, сердцем и руками его машины, если он работает нервно, движение стравы прерывается и в этом движении нет нужной грации, если человек на экскаваторе либо вынюх — это еще ничего, он научится, — либо лодыр, зазнайка, эгоист, работающий только сам по себе, а не в коллективе, то и звук, возникший в глубине его машины — резкий, печальный, негодующий, фальшивый звук, нарушит и общую мелодию, и тем разрушит все очарование музыки, распушат, собьет других оркестрантов, испортит дело.

Как согласовать едва слышное ролотание лонской волны, которая то хрустально звенит, поднимая берег, то, выгалькая из пропеллов воздуха, начинает дудеть в нее, как в свисток, с мелкими, внезапно возникающими и все нарастающим гулом мотора, возмущу на плотину брызги с ветру? Эти новые, необычные здесь звуки впервые вторглись в давно сгладившийся весенний оркестр соловьев, лесной листвы и степного ветра, кукушек и красноталовых шуршав, купающихся в проточной воде, лопавшегося бубона цетка и зерна, прорастающего в борозде навстречу сыну. Как развешивать эти сладиившие, спевившие хор тончайших трубочек, струн, колоколов, хор и не утонит их в этом жарком, электрическом звучании, не умолкает над степью, над водой, над поймой их плыв, пи почью?

И вот могучий дирижер — жизнь настраивает, играет их, таких разных, не похожих друг на друга музыкантов, описанных на камышовой дулке и ударяющих с тысячеуловой силой по плыву, уходящему в землю, нагрывающему на

Зеленый пояс Волго-Дона

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Этой зимой на трассе Волго-Донского канала я видела небольшое деревцо: обнаженное, безлистное, дрожа каждой ветвей сероугой, как будто грифельной сеткой, оно стало на аккуратно обрубленном боковом земляном кубе, как на постаменте. Так оно было вырыто где-то далеко из степи почтой, так привезено сюда — со степной землей чтоб лучше прижилось, чтоб нынче и быстрее разрослось и возмужало на новой своей родине. Было холодно и ветрено, наз степью бежали низкие серые тучи, земляной куб — постамент, на котором стояло деревцо, пропавший плыворок, казался каменным, и все вместе — и деревцо и его постамент — как бы являло собой необыкновенно стройный и трагический памятник — памятник первым деревьям, пришедшим на Волго-Донский канал.

И я вдруг подумала, что в тех густых тенистых могучих дубравах — с травой, с земляникой, с лесными розняками, с сочными листьями и лесными цветами, — в дубравах, которые со временем зашумят возле Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, где-нибудь на поляне должно стоять вот такое, точно такое деревцо-памятник, напоминающее о трудном и героическом времени зеленого строительства на Волго-Доне.

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина еще только открывается, а сколько уже о нем воспоминаний! — и как-то! Это оттого, что время, когда создавался канал, было сказочно-коротким, скатым, концентрированным и уместило огромное количество событий как во всем мире, так и на самом канале. И вот теперь, накануне торжественного открытия канала, с какой-то особой силой вспоминается неповторимый пейзаж строительства, создания канала и, знаа, что он уже неповторим, хочется еще раз увидеть его.

Мне хотелось бы еще раз подняться на мост перед девятим плывом, на верхнюю точку возвышенности, и поспешить огромной гудобаво-полюдиной степи, под перламутро-серым необжитым небом, увидеть рыжие отвалы земли, нарытые «Большими шапашными», отвалы, столь высокие, что они казались естественными горами, и идущие меж ними русла канала, уже заполненные стальной кровлей воды; и белоснежные, только что возникшие из лесов башни девятого шлюза и, с другой стороны моста, плавни несомнутого «шапурниковской лестницы»; и сотни самосвалов, грузовиков, экскаваторов, кранов, ревуших и копошащихся среди рыжей разрытой земли, — еще раз увидеть этот пейзаж возмужавшего нового мира, движущуюся грядущую картину могучего человеческого труда. И теперь там совсем другой пейзаж, и, наверное, уже разровнены и озеленены те гигантские земляные отвалы, о которых некоторые говорили, что впадо их было бы оставить неразровненными и только засадить деревьями, — получились бы очень красиво, так сказать, носые «волгодонские Жигуля», по лужской воле возникшие прямо в степи.

Хочется оглянуться назад, на дни стройки Волго-Дона, и еще больше хочется говорить о его будущем.

Пейзаж Волго-Донского канала будет непрерывно меняться, с годами все больше, все неузнаваемее даже для тех, кто его закладывал. Конечно, в основном теми же самими останутся и шлюзы, и насосные станции, и триумфальные арки — им стоять неизменно и прочно века и века, но вот все то, что ныне именуется зеленым строительством, как бы так и останется навсегда строительством, потому что деревья и кустарники будут продолжать расти, ветвиться, цвести, все время меняясь сами и меняя вид окружающего.

Вот почему мелькнула у меня мысль о деревце-памятнике, когда в холодный февральский день я увидела маленькое озябшее нагое деревцо на земляном коме — по-

стаменте. Но оно было не одиноко на трассе: лесопосадки на Волго-Доне шла всю осень и всю зиму 1951/52 года, шла, не прекращаясь ни на один день, так же как и работы по строительству самого канала. В момент, когда слились воды Волги и Дона, на трассе были уже посажены тысячи крупных взрослых деревьев, десятки тысяч саженцев и сеянцев древесных и кустарниковых пород. Озеленение Волго-Донского канала ничем не напоминает, скажем, разбивку сквера в городе, — это возмужавшее строительство, со специалистами — архитекторами, инженерами, прорабами, садовниками-теоретиками, лесоводами и другими работниками озеленения: их всех на Волго-Доне любимо и шутливо называют «зеленые прорабы», главную работу зеленого строительства — «зеленый конторщик», и труд «зеленых прорабов» высоко ценится и почитается на Волго-Доне, как труд сложный, тяжелый и жизненно необходимый. Дело ведь идет не просто об украшении Волго-Донского судоходного канала и его морей, но прежде всего об их надежной защите. В степи между Волгой и Доном посяются сухие ветры, вздымающие тучи песка и пыли. Они могут занести канал, — он обмелеет. И вот советские архитекторы, инженеры и лесоводы разработали проект, осуществление которого не позволит каналу обмелеть. Вдоль обоих его берегов протянутся лесозащитные насаждения. Они пойдут тремя полосами, а так сказать, основными защитниками будут лесопосадки, идущие по берегам канала. Немного далее от первой полосы пройдут еще две на расстоянии 60 метров друг от друга. Общая ширина лесозащитного пояса предполагается от 183 метров до 345 метров в тех местах, где степные ветры наиболее свирепы.

Вот какую огромную работу уже проделывают «зеленые прорабы» в их рабочей армии, не считая озеленения посевков, возникших в степи на берегах Волго-Дона, разбивки парка возле Карповского водохранилища, других озеленительных работ.

Мы видели этой весной ряды взрослых деревьев на берегу Березлавского водохранилища. И подобно тому, как казалось, что Березлавское водохранилище — это естественное озеро, красующееся здесь ланым-давно, — так же казалось, что и деревца близ него выросли сами по себе, много лет назад. Но это как раз те деревья, которые посажены этой зимой, в мороз и стужу. Может быть, одно из них, похожее на памятник, я и видела тогда, в феврале?..

Как много еще песен, былей, сказаний будет сложено о строительстве Волго-Донского судоходного канала и Цимлянского гидроузла! Среди них непременно должна быть песня или баллада о том, как готовили здесь Цимлянскому морю (и со стороны «Сталинградской правды» не сложили рубрика «В ложе Цимлянского водохранилища»), как рубили, корчевали и выкапывали в этом ложе деревья, целые леса, — и одни деревья шли на строительство, а другие (и таких было множество) высаживались по трассе канала и у берегов самого будущего моря.

Легендарное время, как хочется сохранить каждый, твой напряженный, многотрудный, славный час!.. Каким далеким, почти невероятным кажется мне сегодняшняя майский день, когда несколько «зеленых прорабов» стояли со мною невдалеке от первого шлюза, у постаментов грандиозной скульптуры товарища Сталина, и ждали прибытия из Москвы второго парохода с цветочной рассадой.

Первый пароход с цветами — «Гюичаров» — уже прибыл, часть рассады в ящиках и сотнях горшков еще стоила тут же, на стеллажах, а часть уже высаживалась в грунт на откосе. На наших глазах высокий откос покрывался дерном и цветами. День был жаркий, люди работали напряженно и торопливо — надо было высадить цветы, пока они не дали или не раскрыли бутончиков, а то ведь некоторые присы в дороге «дали стрелку», и это заболело озеленителей.

— Этот рейс цветов на открытой палубе — первый в мире, — говорил работник конторы зеленого строительства В. А. Горюнов. — Надо сказать, отвал цветов самый небольшой, да и то потому, что из Москвы уходила из-под заморозка. Но из-под заморозка удалось уйти быстро, и в течение пути вот эти девушки сделали все, чтобы цветам было хорошо.

Цветы сопровождали два молодых цветочника-озеленителя — Нина Авдеева и Александр Борозина. Сильно загоревшие в пути, уставые, они уже со смехом рассказывали о том, как сначала селился и бесполомился капитан, что из цветочных ящиков и горшков вода с верхней палубы течет на пассажиров, как им вбросил прахолодилось в ручную поилку цветы (250 ведер в сутки), как пассажиры, узнав, что цветочная рассада идет на Волго-Дон и будет высажена у входа в канал, возмемонумента товарища Сталина, стали помогать ухаживать за цветами, и капитан перестал беспокоиться и врать и отлачно организовал выгрузку необычного груза.

— И скажите, все эти цветы приживутся, будут цвести? И многолетники ежегодно будут расцветать? — спросила мы, вспоминая пустынно-пустынную степь.

Главный инженер конторы зеленого строительства, озеленитель многих советских городов, В. Смирнов улыбнулся широко и приветливо и ответил слегка снисходительно:

— Непременно и даже отлично будут цвести! И деревья будут расти хорошо. Вы не видите, по верку откоса прохлдит ясеня. Он привезен с комом, т. е. со своей землей, дерево для этих мест новое, а посмотрите, как он хорошо себя здесь чувствует.

— Здесь не только осень будет расти, здесь, на всем этом откосе, на террасах откоса будут каждый год расцветать розы, — добавила Б. И. Уланов, прораб по розам, капитан орден Красной Звезды, полуженского им в дни Великой Отечественной войны.

— Я озеленял Улан-Удэ, Иркутск, Первоуральск, — подумав, сказал В. Смирнов, — и опыт говорит мне, что зря иногда некоторые товарищи на землю жалуются... Вот ехал я сюда, мне говорили — ничего здесь не растет... Зря говорили, надо только руки приложить!..

— Вот мы и приложили, — задумчиво подтервала Уланов, воин и орденосец, — теперь все будет расти... будет цвести все время...

— А как они разрастутся! — добавила Смирнов и посмотрел вверх, на молодые ясени, стройным рядом покачивающиеся на гребне откоса.

Мне вспомнились вдруг пушкинские строки:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст...

Нет! Увижу! Стройки коммунизма великие еще и тем, что, создавая для будущего, мы обладаем счастьем видеть, как это будущее оживает, становится нашим орым, нашей жизнью, нашей всеобщностью.

Великое спасибо тому, чья имен называет народ стройки коммунизма, — нашему учителю, нашему другу и отцу — Сталину!

Они стояли на берегу, ниже котлована, где бульдозеры прогрызали перемычку, переграждавшую Дону возвращение в свое русло. Барabanов смотрел, как бурно устремляется в канавку, прорытые бульдозерами, размытая земля, шумит, освобожденная вода. Он не уходил отсюда. Конечно же, он хотел, чтобы бульдозеры пошире открыли верота воды, чтобы до засыпки русла возможно больший отток воды промоздел от прорана. Нехаром об обрники в разговоре несколько загадочно, что, мол, уже подлая бочкалы по случаю успешного перекрытия русла, но в это время сказали, что вода прорвала закрытый проран...

И вот наступил день Реэчиков — день перекрытия русла Дона. Собственно, это началось не днем, а уже вечером и закончилось глубокой ночью. Когда сигнал, наконец, был поан, Барabanов вошел в доплатный домик КП правобережного района, сел у огня, выходящего на проран, и так проспал все время, ни во что не вмешиваясь.

Перекрытие русла проходило на редкость организованно. «Медлительный» Реэчиков все предшествующее время употребил на то, чтобы засыпка прорана была только завершающим звеном вынужденного дела. Самосвалы шли по колы, разгружая камни в Дону, и тот сначала гудел в пролетах, рвался, потом стал потише, затрещав по камням, начал жаловаться, а скоро уже только плескался и совсем смолк, угномонлся. Волы Дона поднялись у прорана, покружились в все сильнее, все естественнее потекли по отволному каналу влево через плотину и котлован и дальше через ворота, прорытые бульдозерами в перемычку, вернулись в свое русло.

Реэчиков спокойным голосом отдал по радиотелефону приказания, ходил на мест, на месте руководил перекрытием и возвращением, в нем не было медлительности, которую подозревал Барabanов, которая так его настораживала. Барabanов бросал на него взгляды, в которых все чаще вспыхивали огоньки изумления. Так вот, оказывается, где подполка этой кажущейся медлительности! Реэчиков исполнил обещанный и обеспечил успех дела.

Наконец, котлован затопили, все улеглось, успокоилось, потеря дана, в сущности, не имела значения. Радостно было Барabanову. Но Барabanов оставался сообразным, настороженным. Можно было начинать перекрытие русла. Реэчиков, у которого все было готово, нервничал, а Барabanов не давал сигнала.

3. Шли работы по сооружению «спанура» — подступов к гидростанции в водосливной плотине. Дальние подходы к плотине устилались матами из длинных жердей и пригуживались камнем, а ближние — заливались бетоном. Красноватые, земные жерди возят из леса, кото-

КРОВАВЫЕ ДНИ КОЧЖЕДО

Кровавая оргия на острове Кочжедо вошла в историю злодеяний американских интервентов в Корее, как одна из ее позорнейших страниц. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем безоружные и беззащитные военнопленные подвергаются таким садистским расправам, таким подлым надругательствам со стороны вооруженных до зубов пособников американской культуры, каких еще не видел мир.

Больше года тянутся переговоры о перемирии в Корее. Все еще не разрешен вопрос об обмене военнопленными. Как известно, американцы под предлогом проведения так называемой «добровольной репатриации» хотят насильно задержать после окончания военных действий более 100 тысяч военнопленных корейцев и китайцев. Американское командование собирается переработать этих людей в пушечное мясо для наемных армий Ли Сын Мана и Чан Кай-ши.

Как сообщает агентство Рейтер, американский генерал-майор Гаррисон, возглавляющий делегацию командования так называемых «войск ООН», охарактеризовал продолжавшие последние три недели закрытые заседания как «бесплодные». Несмотря на то, что корейская и китайская стороны выдвинули компромиссные предложения, американцы попрежнему упорствуют в своем незаконном желании задержать значительную часть находящихся в их руках военнопленных.

Чтобы заставить военнопленных «добровольно» отказаться от возвращения домой, предать свою родину, оккупанты-янки прибегли к террору. Пленных ставили в нечеловеческие условия — их морили голодом, избивали, пытали. Но пытки не сломили воли патриотов. И тогда озверевшие янки приступили к массовому систематическому уничтожению своих узников.

2 июня в лагерь военнопленных на острове Кочжедо прибыл командующий «войсками ООН на Дальнем Востоке» американский генерал Кларк. Кларк заявил коменданту лагеря генералу Боутнеру: «Кочжедо мы должны превратить в тихий остров, какой бывает мотила... Для этой цели у вас всегда будет достаточно солдат и оружия. Это был приказ о наступлении. Спустя несколько дней генерал Боутнер, известный в американской армии под прозвищем «бувол», начал настоящую войну против беззащитного населения лагеря.

Для осуществления «операции разгром» — так в американском штабе именовалось готовящееся кровопролитие — на Кочжедо были посланы войска с танками, пулеметами, огнематами. Численность гарнизона лагеря увеличилась до 10 тысяч человек — на каждых восемь военнопленных приходилось по одному охраннику!

Громилы решили начать «поход» с вторжения в сектор № 76, где в массовые везли в плен предшественника Боутнера на посту коменданта лагеря, генерала Додда.

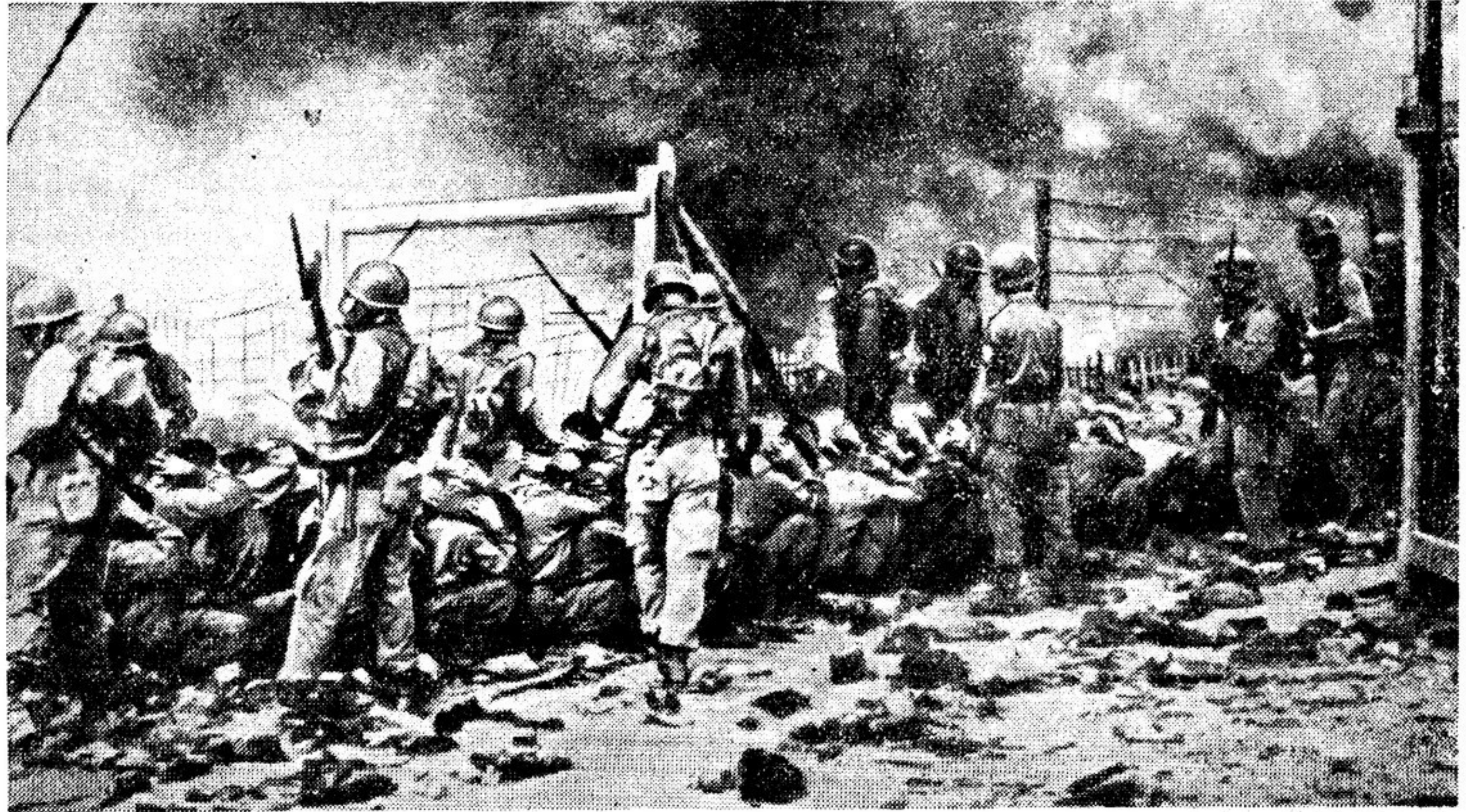
На переговорах о перемирии в Паньмынчжоне только-только закончилось очередное заседание, на котором американские пред-

Общий вид сектора № 76 лагеря для военнопленных на острове Кочжедо во время «операции разгром». Бараны и палатки, где ютились пленные, сожжены пламенем.

В том же секторе после окончания «похода» генерала Боутнера против мучеников Кочжедо...

Ударами прикладов американские солдаты заставляли раненых, захваченных в плен, садиться друг за другом на стволы автоматов, заставляя их выстреливать в воздух, охватывая руками склоненные головы.

ставители разлагались, как обычно, о гуманности, а на острове Кочжедо уже шла жестокая расправа...

«...10 июня в 6 часов 15 минут утра, — пишет американский журнал «Ньюсуик», — «бувол» Боутнер дал сигнал двум батальонам 187-го воздушно-десантного полка (солдат которого называют «ангелами из ада») двинуться в лагерь». Атака началась одновременно с трех сторон — с запада, севера и юга. Военнопленные еще спали, когда 12 танков, смяв провололочные заграждения, ворвались в лагерь. За танками шли 1000 солдат. А за десантниками в стальных касках двигались еще 6000 пехотинцев. Через громкоговорители, установленные на бронемашинах, военнопленным был зачитан приказ коменданта лагеря.

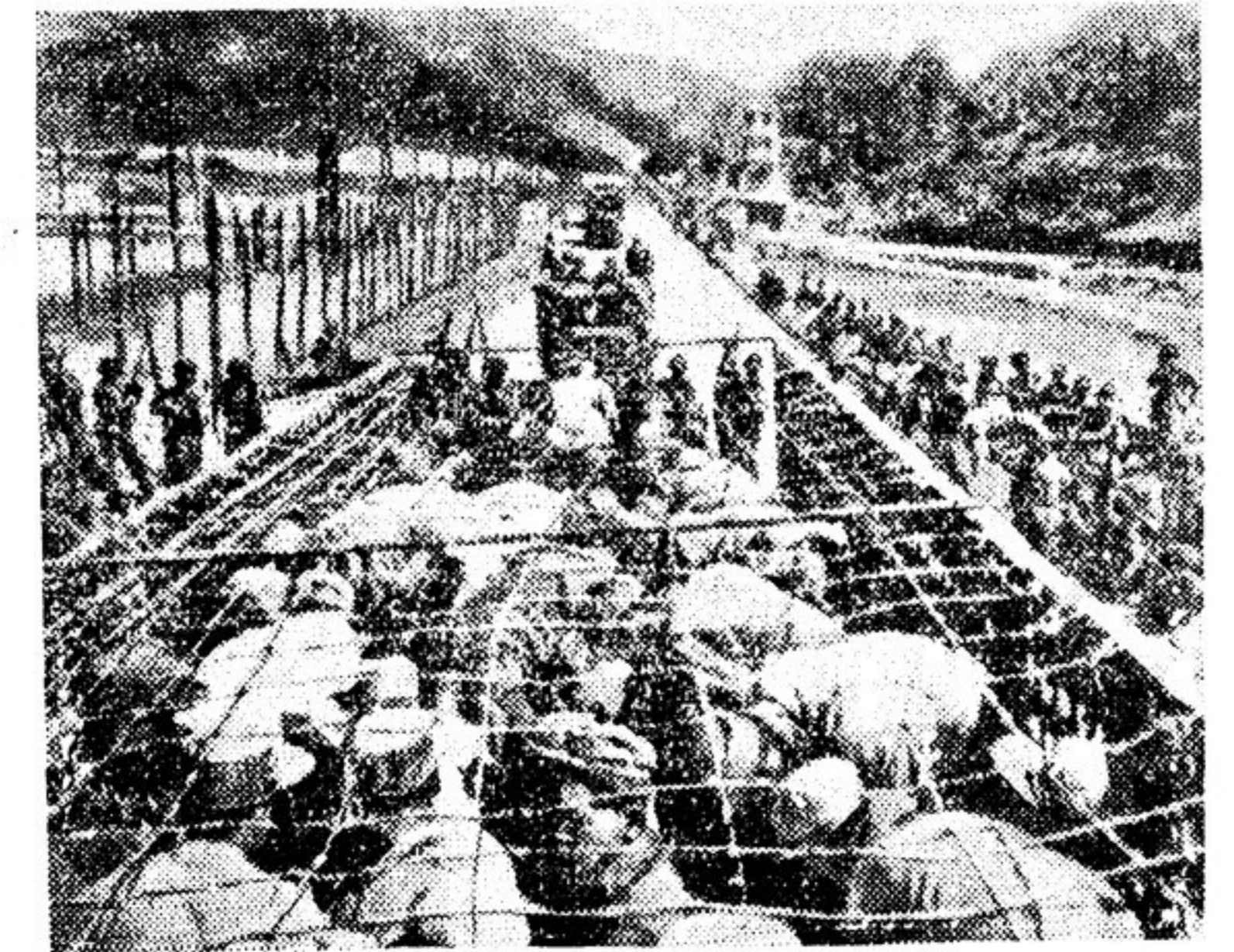
Те, кто пленил генерала Додда, гласил приказ, являются предателями. Предателями являются также и те, кто послал в Северную Корею письмо, рассказывающее об ужасных условиях, царящих в лагере. И тех и других пленные должны немедленно выдать. Если приказ не будет выполнен, то сектор № 76 будет превращен в братскую могилу...

Ответа военнопленных было: «Среди нас нет предателей»...

Генерал Боутнер, руководивший действиями своих головорезов с помощью микрофона, установленного на отдаленной сторожевой вышке, скомандовал: «Огонь!». Заработали огнеметы. Танки рванулись вперед, подминая пленных. Американские солдаты надели противогазы и стали забрасывать бараки и палатки бомбами со слезоточивым газом, гранатами. Началась дикая охота на людей. С винтовками наперевес бандиты в американской военной форме бросались на безоружных корейцев и китайцев, стреляли в них в упор, сбивали с ног прикладами, топтали ногами.

Окровавленных, с зияющими ранами, захваченных от газа военнопленных сгоняли в группы по 150 человек. Позже была проведена «чистка», и многих из них американцы отправили в другие лагеря, расположенные на континенте или на близлежащих островах. Начал Боутнер всеми силами старается выполнить приказ генерала Кларка о том, что Кочжедо, где сопротивлялись военнопленные американской тирании было особенно велико, необходимо превратить в «остров могильной тишины».

«Операция разгром» длилась несколько часов. В итоге, сообщила американская печать, «славные войска ООН» убили и ра-

На грузовике, обтянутом колочей проволокой, американцы увозят из лагеря пленников китайцев и корейцев. За грузовиком следует усиленная охрана. Вдоль дороги расположены американские посты.

ПЕРЕВОРОТ В ЕГИПТЕ

Район Ближнего и Среднего Востока снова сотрясается подземными толчками политических интриг и империалистических противоречий. В ночь с 22 на 23 июля произошел государственный переворот в Египте. Группе армейских офицеров, руководимой генералом Мухаммедом Нагиб-пашой, ввела войска в Каир и захватила власть. Назначенный только накануне на пост премьер-министра Хлалал-паша был вынужден уйти в отставку и заменен Али Махер-пашой.

Новый египетский премьер заявил, что он «использует поддержку» генерала Нагиб-паши, возглавлявшего государственный переворот. Как сообщает агентство Рейтер, в перевороте участвовала почти вся египетская армия и военно-воздушные силы. Генерал Мухамед Нагиб-паша выступил с заявлением, что отныне он становится главнокомандующим. Вечером 23 июля король Фарук издал рескрипт, подтверждающий это назначение.

Али Махер-паша является пятым по счету премьер-министром после падения в начале этого года правительства Нахас-паши. Как известно, это правительство под натиском широких масс разорвало кабальный англо-египетский договор 1936 года.

Свержение правительства Нахас-паши расценивалось тогда иностранными обозревателями, как некий «совместный акт» английских и американских колониалистов, напуганных народным антиимпериалистическим движением. Соперничающие державы стремятся поставить у власти в Египте таких государственных деятелей, которые усилят бы репрессии против народа и помогли бы империалистам стянуть страну в так называемое «средневосточное командование» агрессивного Атлантического блока. В тот период небезызвестный Стюарт Осмон писал в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Англия одна не может больше господствовать в этом районе, что показала недавние события в Иране и Египте. Однако Соединенные Штаты, возможно, не смогут обойтись без английских сил... в зоне Суэцкого канала. Необходимо действительное объединение американских и английских сил на Ближнем Востоке, нечто вроде англо-американского акционерного общества».

Оказывая совместный нажим, каждый из партнеров «акционерного общества» пытался, конечно, протянуть к власти в Египте своего фаворита. В результате целого ряда закулисных маневров Нахас-паша был заменен Али Махер-пашой. Очень скоро стало ясно, что симпатии нового премьера находятся явно на стороне американских «акционеров». Постоянные «консультации» Али Махер-паши с американским послом в Каире Джеферсоном Кефери говорили сами за себя. Али Махер-паша, по свидетельству зарубежной печати, до войны был известным английским агентом, во время войны он служил державам оси, а в настоящее время тесно связан с американскими империалистами.

Однако Али Махер-паше не удалось удержать сколько-нибудь продолжительное время в кресле премьер-министра. 1 марта власть перешла к кабинету Хлалал-паши. Говоря о внешнеполитической ориентации нового правительства, ливан-

ская газета «Ас-Сарха» указывала тогда, что Хлалал-паша опирается на те круги в Египте, которые «поддерживают английский империализм под вывеской «совместной обороны»...»

Однако Хлалал-паше повезло не в большой степени, чем его предшественнику. Очень скоро ему также пришлось выйти в отставку. На свет появилось третье правительство во главе с Сирип-пашой. Оно, как утверждала зарубежная печать, уже не столь тяготеет к Британским островам. Напротив, египетская газета «Журнал д'Эжит» сообщила, что 19 июля американский посол Кефери посетил Сирип-пашу и вручил ему послание по поводу «ряда важных вопросов». Речь шла о представлении Египту военно-экономической «помощи» США, о реорганизации и обучении египетской армии под руководством американских «экспертов», а также замене существующего американо-египетского торгового договора новым договором.

Далее события развивались буквально в кинематографическом темпе. Не прошло и трех недель, как правительство Сирип-паши пало. 21 июля к власти вновь пришел Хлалал-паша.

«Возвращение Хлалал-паши приветствовалось в Лондоне», — горько писал тогда американская газета «Нью-Йорк таймс» и тут же, проливая позорительную осведомленность о готовящихся в Египте событиях, газета сообщила: «Король Фарук жлет военного переворота». И в самом деле, Хлалал-паша был в свою очередь свергнут военным переворотом 22—23 июля. Кресло премьера вновь занял Али Махер-паша.

Эти события вызвали сильную тревогу в Лондоне. Английская газета «Дейли мейл» сообщает: «Главнокомандующий английскими сухопутными силами на Ближнем Востоке генерал Робертсон получил приказ быть бдительным. В силу этого приказа английские войска в зоне Суэцкого канала находились вчера в боевой готовности». В то же время корреспондент агентства Юнайтед Пресс, ссылаясь на дипломатические круги Вашингтона, отмечает, что офицеры египетской армии, совершившие переворот, заявляя, что «при сложившейся ситуации» они не потерпят вмешательства англичан.

Весьма показательно, что это предупреждение было передано английскому посольству в Каире, как сообщает радио Дамаска, через... военного атташе США, с которым руководители переворота немедленно «установили контакт». Следует отметить также, что в то время, как американская печать с удовлетворением комментирует государственный переворот в Египте, лондонские газеты проявляют сдержанность и отнюдь не высказывают восторга.

События в Египте свидетельствуют о том, что американо-английские империалисты не оставили своих агрессивных намерений в отношении стран Ближнего и Среднего Востока. Колониалисты выступают единым фронтом против народов, ведущих упорную борьбу за независимость. В то же время империалистические хищники не могут скрыть своих все усиливающихся противоречий в этом районе.

Г. ОСИПОВ

В Соединенных Штатах Америки рабочие сталистой промышленности объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. В статье участвуют 640 тысяч человек. На фото: пикет бастующих рабочих у завода Карнеги-Иллинойс в Рингине (штат Пенсильвания). Это — один из десятков металлургических заводов, бездействующих в результате стачки, начатой рабочими. Снимок из английской газеты «Дейли уоркер».

Вопросы избирателя

Американская газета «Чикаго трибюн» в № 68 за этот год поместила следующее письмо одного из своих читателей:

«Генерал — поджигатель войны. Вредовые воинственные речи бывшего американского военного атташе в Москве генерал-майора Гроу находят на два важных вопроса. Первый: почему критика подвергается только тот фант, что генерал был неосторожен и полагал? Ведь то, что он сделал, больше всего заслуживает осуждения его призывы к развязыванию Соединенными Штатами кровавой мировой войны. Второй вопрос: поскольку это так, почему ни наши миролюбивые (иногда) пентэгонские генералы ни наш миролюбивый (как он себя называет) президент не приняли никаких мер к тому, чтобы дезавуировать поджигательские разглашательства Гроу, и не посадили его в дом для умалишенных, где ему и место? Почему вместо того этот маньяк занимается теперь в Пентэгоне работой с «картами»? Не затем ли, чтобы расставить людей подобно с ним образа мыслей так, чтобы они могли свергнуть нас в войну?»

Леруа Уоллис.

Печать республиканской партии США, к лагерю которой принадлежит газета «Чикаго трибюн», изредка публикует подобные письма исключительно из предвыборных соображений.

Помещая письма простых американцев, вроде этого, партийные боссы рассчитывают создать у избирателей иллюзию, будто республиканская партия сочувственно относится к антивоенным настроениям американского народа, будто эта партия является чуть ли не «партией мира». Однако два «важных вопроса», поднятых американцем Уоллисом, так и не получили никакого ответа на страницах «Чикаго трибюн».

Отражая растущее в американском народе стремление к миру, это письмо наносит удар не в бровь, а в глаз всей клане американских поджигателей войны, как из демократической, так и из республиканской партий.

XV летние игры

ВСТРЕЧИ НА СТАДИОНЕ

Олимпийский стадион начинает жить рано утром. Постепенно заполняются места. Серый цвет трибун меняется на красный, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый. Если накрапывает дождь (а он здесь частый гость), все эти цвета тускнеют, люди надевают плащи, но не уходят. Если появляется солнце — все становится на стадионе ярким и веселым.

Соревнования идут сразу по нескольким видам легкой атлетики. Над зеленой травой футбольного поля летит копье. Когда его метает спортсмен в синей майке, зрители начинают кричать. Все ясно — выступает финн, его подбадривают соотечественники. Помогает это или нет, трудно сказать, но Тойво Хюютайнен занимает третье место.

Свисток. Выстрел. Стадион затихает — начался бег на 200 метров. Он длится два десятка секунд. На прямой вперед выпрыгивает негр Стэфильд. За ним финишируют также представители США — Бекер и негр Гатхерс. Они прихватывают грудь. Через несколько минут на большом экране электрические буквы сообщают о том, что второе место занял Бекер, а третье — Гатхерс. Финал бег на 110 метров с барьерами выигрывает негр Диллард.

Снова звучит пистолетный выстрел. По дорожке, пересекающей пологими барьерами, бегут шесть женщин. Идет полуфинал бега на 80 метров с барьерами. В первом забеге летучкой финиша первой идет представительница Австралии Стрикленд. Она намного опережает своих соперниц, показав лучшее время — 10,8 сек. Во втором забеге участвует наша спортсменка Мария Голубничая. Слышатся голоса: — Маша! Маша!

Голубничую знают. Маша «нажимает» и приходит первая — ее время 11,1 сек., оставшаяся за собой победительницу на эту дистанцию в лондонских олимпийских играх 1948 года голландку Бланкерс-Коен.

На следующий день Мария Голубничая вышла на старт финального забега на эту же дистанцию. Лучшее время было у Стрикленд (10,9 сек.), второе время у М. Голубничей (11,1 сек.).

Вблизи от финиша на трибунах сидят спортсмены стран народной демократии. Они приветствуют Голубничую криками: — Bravo, Маша! Bravo, Маша! Пока идут забеги на короткие дистанции, в центре стадиона спортсмены состязаются в тройном прыжке. Их соревнования длится долго, с большими интервалами. В финал выходят шестеро. Среди них Леонид Шербак. Во время одной из попыток он прыгает на 15,98 метра.

Всеобщие симпатии завоевывает негр из Бразилии Феррейра да Сильва. В зеленых шелковых трусах, высокой, стройной, он прыгает как-то по особенному, словно идет по воздуху широким шагом, и кажется, что и в этот момент не сходит с его лица добрая улыбка. Дважды за один день он побивает установивший им в 1951 году.

В одну из попыток он прыгает на 16 метров 12 сантиметров. Стадион гулит. Побит олимпийский рекорд! Но через некоторое время да Сильва снова прыгает, снова он словно плывет в воздухе. Судья измеряет длину прыжка, не выдерживает и первый начинает аплодировать. На белом шите по-

является цифра 16,22! Мировой рекорд! Леонид Шербак занимает, как уже сообщалось, второе место.

Играет оркестр. Победители получают медали. Стая корреспондентов бросается к прыгунам. Да Сильва берет Леонида Шербака под локоть и просит стать посреди. Так они и стоят рядом — спортсмен Советского Союза и спортсмен Латинской Америки. Да Сильва не скрывает своей радости. С букетом цветов идет он по кругу стадиона, приветливо поднимая вверх руку. Вдур на дорожку выбегает белокурая финка. Да Сильва останавливается. Финка подбегает к спортсмену и целует его. Стадион рукоплещет.

Слышу гневное восклицание на английском языке. Оборачиваюсь. Вижу двух джентльменов, судя по всему, американской принадлежности. На их лицах негодование. Белая женщина поцеловала негра! У себя дома они бы показали, чем оканчиваются поцелуй с белыми женщинами!

Впрочем, для таких личностей на стадионе происходит немало неприятностей. После того, как в забеге на три тысячи метров с препятствиями советский спортсмен Владимир Казанцев завоевал первое место, в следующем забеге на первое место вышел американец Ашенфельтер, а на второе — советский спортсмен Михаил Салтыков. Бег закончен. Ашенфельтер и Салтыков крепко пожали руки, поздравляя друг друга с победой.

Хотел этого или не хотал «туретты» из Нью-Йорка, но здесь на олимпиаде, в спортивной борьбе, люди быстро знакомятся и начинают уважать друг друга. Сейчас уже больше ответных улыбок, рукопожатий, появилось взаимное доверие. Даже американские газеты принуждены были признать это, рассказали о случае, происшедшем во время прыжков с шестом. Когда американец Ричард после нескольких неудачных попыток взвел высоту 4 метра 55 сантиметров, установив новый олимпийский рекорд, Петр Денисенко обнял его и тепло поздравил с победой. Ричард заявил одному из американских корреспондентов: «Честно говоря, я не могу понять, почему народы мира не могут ладить так, как спортсмены ладят здесь».

Подлинное напряжение на трибунах появилось, когда был дан старт забегу на 5000 метров. На устах было одно имя: Затопек! Среди его конкурентов называли бельгийца Рейффа, поставившего олимпийский рекорд в Лондоне на играх 1948 года, Мимуна (Франция), занявшего второе место в недовольном забеге на 10.000 метров. И вот старт. Бегуны идут плотной группой. Затопек бежит предпоследним. Когда тем нарастает, он переходит в головную группу. Рядом с ним, тоже в красной майке, только более яркого цвета, Рейфф. Проледел более двух третей дистанции. Бегуны растекаются испочкой.

Напряженность нарастает. Рейфф не хочет уступить первенства. Он старается держаться рядом с Затопеком... Но что это? Бель-

гиец сходит с беговой дорожки и, тяжело дыша, идет по футбольному полю. Не выдержал...

А темп бега продолжает нарастать. Остается последний круг. Затопек идет первым. Вдруг его обгоняют двое. Стадион гулит. Все поднимаются с мест. Последний поворот перед выходом на прямую. Затопек делает рывок и снова выходит вперед. Он рвет ленточку финиша первым, установив новый олимпийский рекорд — 14 минут 06,6 секунды. Валится на траву английский бегун. К нему спешат санитары.

Звучит мелодия государственного гимна Чехословакии. Затопеку вручают золотую медаль.

Кстати, в семье Затопека в этот день была и вторая радость — вторая золотая медаль. Его жена кометагательница Дана Затопекова заняла первое место. Второе, третье и четвертое места — за советскими спортсменками Чудилой, Горчаковой и Зибиной.

Над стадионом плывут звуки венгерского гимна. Первое место по метанию молота занял молодой венгерский спортсмен Иосиф Чермак. Рядом на почетном возвышении стоит его учитель по метанию молота Имре Немет, которому досталось третье место в метании гимна. Ученик обнимает своего учителя.

Олимпийские игры продолжаются. Рядом на другом стадионе, соревнуются футболисты. В большом зале Мессухалди, где днем выступали гимнасты, встречаются борцы, штангисты.

Анатолий СОФРОНОВ, спец. корр. «Литературной газеты», ХЕЛЬСИНКИ. (По телефону)

В итоге первых пяти дней международных олимпийских игр (20—24 июля) советские спортсмены продолжают удерживать первое место, набрав 285 очков. Они завоевали 29 золотых, 29 серебряных и 5 бронзовых медалей. На втором месте находятся спортсмены США, набравшие 175 очков (23 золотых, 9 серебряных и 11 бронзовых медалей).

Вчера, 25 июля, в зале Мессухалди начался соревнования по подниманию тяжестей. Выдающегося успеха добился Иван Удолов, установивший в тореборе новый олимпийский рекорд для атлетов легчайшего веса — 315 килограммов. Удолов занял первое место и принес своей команде золотую медаль.

Серебряную медаль завоевал В. Казанцев; в финальном беге на 3.000 метров с препятствиями он занял второе место, показав 8 минут 51,5 секунды. На первом месте с новым мировым достижением — 8 минут 45,4 секунды — был Ашенфельтер. Вчера закончился соревнования по современному пятиборью (верховая езда, фехтование, стрельба, плавание, кросс), которое выиграла команда Венгрии. Советские спортсмены, впервые начавшие в нынешнем году заниматься пятиборьем, заняли пятое место. В личном первенстве И. Новиков вышел на четвертое место.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, К. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).